

Валерий ШАРАПОВ

**ОПЕРАЦИЯ
на ДВА СЕРДЦА**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Операция на два сердца / Валерий Шар-
рапов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. —
(Контрразведка. Романы о секретной войне
СССР).

ISBN 978-5-04-248571-8

1982 год. Подполковник КГБ Алексей Уланов предает Родину и сбегает в США, где становится информатором ЦРУ. Советская разведка решает вернуть перебежчика любой ценой и вовлекает в операцию его бывшую жену Софью, которая, как выясняется, ничего не знала о намерениях супруга. Под наблюдением майора КГБ Олега Вернера женщина отправляется в Штаты, где «воссоединяется» с мужем-беглецом. Но выманить Уланова из США не так просто: его плотно опекают агенты западных спецслужб. Тогда Вернер и Софья придумывают дерзкий план, сопряженный, однако, с серьезной опасностью для его участников...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248571-8

© Шарапов В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я ощущала взгляд в спину. Зря свернула в арку. Могла бы еще погулять — пройти пяток-другой учреждений, где меня все равно выставят за порог. Возвращаться на проспект было нелогично, теперь только вперед и лучше с ускорением... Я вышла из подворотни во двор, облегченно выдохнула. Здесь былолюдно. Пацаны гоняли мяч по тающему снежку. Дворник профессорского вида рыхлил лопатой почерневший сугроб. Я обернулась. В подворотне было пусто. Но этот взгляд я придумать не могла — чувствительная стала. И как понимать? Накручиваю себя на пустом месте? Ну уж нет...

Я обогнула детскую площадку, на которой выясняла отношения местная детвора, вышла к родному дому переменной этажности. Его построили восемь лет назад для не бедствующих слоев населения. Беспокойство проходило. Погода для первой декады марта стояла вполне приличная — на столбике термометра чуть выше нуля, безветренно, солнышко проглядывало сквозь пелену облаков.

Дружелюбно гавкал спаниель Кузя с четвертого этажа. Но у подъезда снова началось: спина зачесалась, стало неудобно. Взявшись за дверную ручку, я обернулась. На лавочке у соседнего подъезда сидел товарищ в бежевом пальто и смотрел в мою сторону. Маньяков в Советском Союзе вроде не было, во всяком случае официально. Как и наркоманов, проституток и прочих плохих людей, обитающих только в странах гнивающего Запада. У нас они не водятся ввиду отсутствия социальной почвы. Но это мало успокаивало. Я вошла в подъезд и побежала на третий этаж. Входная дверь вроде не хлопала, но ключ от квартиры я уже держала в руке. Подъезды в нашем доме были просторные, чистые, жильцы выставляли на подоконники горшки с цветами.

Я пулей влетела в квартиру и захлопнула дверь. В подъезде стояла тишина. А почему так смотрел? Понравилась ему как женщина? Не пора ли подлечить расшатанную нервную систему?

Мы с дочкой проживали в трехкомнатной квартире площадью 90 «квадратов». Для двоих, при норме на жильца 12 метров, как-то многовато. Раньше еще был муж, но прошло четыре месяца, и вообще это отдельная грустная история. В глубину пространства тянулся коридор, от него ответвлялись помещения — кухня, детская, гостиная, супружеская спальня. Коридорная система, ничего особенного. Я отдышалась, сняла демисе-

ОПЕРАЦИЯ НА ДВА СЕРДЦА

зонные сапожки, оставшиеся от прошлой безмятежной жизни, повесила на крючок пальто. Ноги от бесконечных хождений становились деревянными. Я доковыляла до кухни, бросила на стол авоську с хлебом и солью. Скоро и это не смогу себе позволить, будем с Юленькой существовать на пенсию свекрови.

На кухне все было в порядке, только в стене кто-то ковырялся — то ли мышь, то ли электрик. На календаре седьмое марта, год 1982-й от Рождества Христова. Но это было позавчера, в воскресенье, сегодня вторник, девятое. Международный женский день прошел без моего участия. Поздравила дочку, свекровь, и на этом все. Никто не звонил, не приходил. От друзей и знакомых остались только воспоминания. Я заглянула в детскую. Юленьку забрала свекровь, я помнила, но в нынешнем состоянии лучше все же убедиться. Поправила покрывало на кровати, мимоходом глянула в зеркало. Лучше бы мимо прошла — отражение давно перестало хорошеть. В спальне тоже все штатно, от счастливой семейной жизни не осталось и следа.

Я вернулась в коридор, шагнула к застекленным двустворчатым дверям гостиной. Двери были закрыты. А я их точно закрывала? Память не работала. Я взялась за дверную ручку и вдруг похолодела. Возникло чувство, что за дверью кто-то есть, притаился, поджидает... В этом не было смысла, но чув-

ство сохранялось. Мурашки ползли по коже, зашевелились недавно постриженные волосы (в парикмахерские меня пока пускали). Чистое мракобесие! Кто там мог быть? Я распахнула дверь.

В гостиной, понятно, никого не было. Только открытая форточка болталась. Я никогда ее не закрывала, в комнате безумно жарили батареи. Ветерок проникал сквозь тюлевые занавески. Да по карнизу расхаживал голубь. Мягкие кресла, ковры, серванты с хрусталем. Голубь, что-то почувствовав, улетел. Я бы тоже с Юленькой куда-нибудь улетела...

Добралась до ближайшего кресла, уселась в него и с наслаждением вытянула ноги. Почудилось? Не то слово. Но что это было? Несколько дней преследовало ощущение, что за мной наблюдают. Скользкие взгляды в общественном транспорте, на улице. Мужчина в очереди за колбасой проникновенно дышал в затылок. А когда я собралась с духом и обернулась, стал отводить глаза. Вчера проснулась в холодном поту — снилось что-то ужасное, причем сразу забылось, остался только страх. Можно списать на умственное помешательство, но и в этом нет ничего хорошего.

Я немного посидела, размышляя о нелепостях жизни, отправилась в спальню — переодеться. Потом — на кухню. Ребенок, которого Надежда Георгиевна доставит к семи, сам себя не накормит. Я добралась до платяного шкафа, задержавшись перед очередным зеркалом, успела что-то с себя снять.

ОПЕРАЦИЯ НА ДВА СЕРДЦА

В прихожей прозвенел звонок. И все заново — мурашки по коже, безотчетный страх. Звонок почудиться не мог. Я накинула то, что успела снять, обреченно побрела в прихожую. Открывала, не спрашивая — кому надо, все равно войдет. За дверью стояли двое — разумеется, в штатском. Один постарше, другой моложе, оба строго одеты — в темное, но не сказать, что безвкусное. Тот, что в годах, занимал центральное положение — невысокий, с резко очерченными чертами лица, седой. Смотрел исподлобья, улыбкой не утруждался. Спутник находился в полушаге сзади — светлоглазый, русоволосый, напоминал обычного человека. Все портил взгляд — прохладный, изучающий. Оба были с непокрытыми головами — видимо, вышли из машины. Язык не повернулся спросить, не ошиблись ли товарищи дверью.

— Здравствуйте, — сухо произнес седой субъект. — Уланова Софья Андреевна?

Я кивнула. Формальность, они прекрасно знали, кто я такая.

— Комитет государственной безопасности. Позволите войти?

А кто ж еще? Общество потребительской кооперации? Я отступила, и гости проникли в прихожую. Напарник седого мягко закрыл на замок дверь.

— Я могу собрать вещи? — уныло спросила я.

— О нет, не стоит, Софья Андреевна, — прищелец скупой улыбнулся. — Вы никуда не едете. Пока,

во всяком случае. Мы хотим с вами поговорить. Пригласите в квартиру?

Сколько душевных бесед я с ними вытерпела четыре месяца назад! Допрашивали и в светлых кабинетах, и в темных подвалах. Давили на психику, использовали свои коронные психологические приемы. Меня даже опутали проводами, подключили к прибору и при этом задавали каверзные вопросы. Думала, с ума сойду. Тогда допрашивали другие, теперь состав мучителей сменился — данных товарищей я видела впервые.

— Не волнуйтесь, Софья Андреевна. — Голос чекиста на градус потеплел. — Вас не будут допрашивать и подвергать истязаниям. Все осталось в прошлом. Вашей вины в случившемся нет — это установлено следствием. Предлагаю не терять время.

— Проходите в гостиную, — вздохнула я. — Обувь можете не снимать. Но если не трудно, вытрите ноги о коврик... Чай? Ватрушки?

— Спасибо, нет, — отказался седовласый.

С некоторых пор я стала искать в происходящих вещах положительные моменты. Не скажу, что это облегчало жизнь, но толику позитива вносило. Вот и сейчас — все было плохо, беспросветно, но два момента я выделила: первое — ближайшую ночь я, скорее всего, проведу дома. И второе: я не сумасшедшая. За мной действительно велось наблюдение.

ОПЕРАЦИЯ НА ДВА СЕРДЦА

Гости сидели в креслах, я — на стуле, и от пристальных взглядов очень хотелось провалиться к соседям снизу.

— Полковник Анненский Юрий Константинович. — Старший показал удостоверение. — Первое Главное управление, внешняя разведка.

— Майор Вернер, — произвел аналогичное действие второй. У него хотя бы голос был приятнее. — Олег Михайлович. Второе Главное управление, контрразведка.

Надо же какие люди. А мне и похвастаться нечем. До того как жизнь дала трещину, работала в секретариате 4-го Европейского отдела МИДа, специализирующегося на Польше и Чехословакии. Особой секретности в работе не было, имелись перспективы для роста. Четыре месяца назад все рассыпалось, я стала никем. Горько, обидно, ведь я действительно ни в чем не виновата.

— Позвольте вопрос? — спросила я. — Если моя невиновность была полностью установлена, почему меня уволили с работы без права восстановления? Почему я обладаю волчьим билетом и не могу устроиться даже посудомойкой? На что прикажете жить? Почему моего ребенка исключили из детского сада и не принимают в другие — даже отдаленные от дома? Разве это справедливо?

— При всем сочувствии, Софья Андреевна, — поморщился полковник с белогвардейской фамилией, — за справедливостью — не к нам. Вы пре-

красно понимаете, что произошло. Будьте, пожалуйста, благодарны, что вам позволили остаться на свободе. А также вашей свекрови Надежде Георгиевне Улановой. А ваш ребенок — не в детском доме. И не за такое давали срока или высылали за сто первый километр. Прошу простить за суровую правду жизни.

Я прикусила язык. Дурой, в принципе, не была, понимала многие вещи. Ничего не изменить, а вот отяготить текущее можно запросто. Ту же квартиру, которую мы с Юленькой вряд ли заслуживаем, могут отнять...

— Мы вам сочувствуем, Софья Андреевна, — негромко произнес Вернер. — Считайте это обстоятельством неодолимой силы. Но со временем все устроится. Вы сейчас нигде не работаете?

— Была бы рада, — буркнула я. — Но не берут.

— Тогда на что живете?

Можно подумать, они не знали!

— Машину мужа продала.

— Серьезно? — Анненский притворился удивленным. — У вас с мужем, насколько известно, был новый «ВАЗ-2103». Вы тоже ездили — имели права и навыки. За эту машину можно было выручить не одну тысячу рублей.

— Тысяча двести, — возразила я. — Прогнала с рук на сомнительной автобарахолке в Бирюлево. Товарищ из солнечного Баку сказал, что возьмет, не торгуясь, за тысячу и даже проводит до ближайшей

ОПЕРАЦИЯ НА ДВА СЕРДЦА

сберкассы, чтобы деньги не украли. В противном случае я бы торговалась до сих пор. Или лежала бы в больнице с пробитой головой и без денег. Вы сами знаете, что это такое. Да, продешевила, но это мое дело, разве нет? Надеюсь, не совершила ничего противозаконного. На эти деньги пока и живу, а также содержу ребенка.

— Ладно, это ваше дело, — сказал Анненский. — Мы пришли не за тем, чтобы ловить вас на чем-то незаконном. Мы не имеем отношения к тем людям, что допрашивали вас в ноябре. Итак, вы Уланова Софья Андреевна, в девичестве Самойлова, тридцать два года, уроженка города Новосибирска, жили в Ленинграде, потом с семьей переехали в Москву. Ваши родители трагически погибли в семьдесят третьем году во время пожара в дачном товариществе. Простите, что напоминаю. К тому времени вы окончили Московский государственный университет по специальности «иностранные языки». Напомните, какими языками вы владеете?

— Английским — в совершенстве, — вздохнула я. — Испанским — прилично. Немецким, французским — терпимо. Если интересно, владею языком глухонемых, а также умею читать по губам.

— Поясните, — не понял Анненский.

— Ну, по губам... — Я растерялась. Как это можно объяснить бестолковым людям?

— Поправьте, если ошибаюсь. — Полковник переглянулся с майором. — Невдалеке стоит чело-

век, что-то говорит, и вы по движениям губ безошибочно понимаете, о чем речь?

— Ну почему же, — пожала я плечами, — бывает, ошибаюсь. Зависит от того, далеко ли объект и внятно ли вещает.

— Удивительно, — хмыкнул полковник. — Не загибаете, Софья Андреевна?.. Олег Михайлович — не в службу, а в дружбу. Выйдите из гостиной. Что там у нас через проход? — Полковник вытянул шею. — Кухня? Пройдите к кухонному окну и что-нибудь негромко произнесите. А Софья Андреевна нас порадует.

Майор удалился, встал у кухонного подоконника. На зрение я не жаловалась. Вскоре он вернулся, сел на прежнее место.

— Не ожидала, что вы любитель Афанасия Фета, Олег Михайлович, — сказала я. — «Я пришел к тебе с приветом, рассказать, что солнце встало, что оно горячим светом...»

— Достаточно. — Анненский с усмешкой покосился на коллегу. Мина у последнего была красноречива, он все же смутился. — Браво, Софья Андреевна. Вы у нас, оказывается, уникам. Мысли читать не пробовали? Ну да ладно, продолжим. После окончания вуза вы устроились на упомянутую работу, где доросли до заместителя начальника отдела. В семьдесят четвертом году вышли замуж за сотрудника КГБ Алексея Романовича Уланова. В то время он был капитаном. Муж на несколько лет вас

ОПЕРАЦИЯ НА ДВА СЕРДЦА

старше, сейчас ему тридцать девять. Через два года родилась дочь Юля, сейчас ей шесть.

— Почему вы перечисляете все эти биографии... — Я осеклась — полковник остановил меня раздраженным жестом.

— Отец вашего мужа был пенсионером всесоюзного значения, заслуженным работником органов госбезопасности. Он вышел в отставку двенадцать лет назад в возрасте шестидесяти пяти лет. Сын пошел по стопам отца, стремительно поднимался по карьерной лестнице, пользуясь безграничным доверием своих товарищей и руководства. В ноябре восьмидесят первого года подполковник Уланов возглавлял отдел «Д» в ПГУ¹, сотрудники которого курировали нашу нелегальную сеть в капиталистических странах. А также работали с завербованными агентами в тех же странах. Помимо этого Алексей Романович принимал участие в ряде секретных проектов на территории СССР и за границей...

— Минуточку, — перебила я. — Муж никогда не обсуждал со мной свои служебные дела. Ключевое здесь слово — «никогда». И это меньше всего меня заботило...

Полковнику не понравилось, что его перебили, но он стерпел.

¹ Первое главное управление КГБ СССР (ПГУ) — структурное подразделение Комитета государственной безопасности СССР, ответственное за внешнюю разведку.

— Третьего ноября прошлого года ваш супруг отправился по служебным делам в Восточный Берлин. И ничто, как говорится, не предвещало несчастья. Похоже, имелась договоренность с БНД¹. Он обвел вокруг пальца всех — и вас в том числе. В какой-то момент Алексей Романович внезапно пропал. Грешили на криминал, на местных женщин... извините. Никому и в голову не приходило, что такой человек может переметнуться к врагам. Мы искали крота — кто-то из ПГУ активно сдавал наши секреты. Но до последнего не думали, что это он. Видно, близко подобрались, и возникла угроза. Впоследствии узнали, что он уже больше двух лет сотрудничал с иностранной разведкой. Ваш супруг не вернулся. Информация пришла значительно позже. Немецкие товарищи выступили не лучшим образом. Плюс подготовка к празднованию шестьдесят четвертой годовщины Октябрьской революции — на что отвлекли значительные силы госбезопасности обеих стран. Сотрудники БНД с фальшивыми документами Штази отвезли перебежчика к границе с Западным Берлином. Далее воспользовались тоннелем, о существовании которого никто не знал. Из Западного Берлина его вывезли в ФРГ, оттуда — в Америку, где Алексей Романович сейчас и пребывает.

— Даже не знала об этом, — призналась я.

¹ Федеральная разведывательная служба Германии.

ОПЕРАЦИЯ НА ДВА СЕРДЦА

— Охотно верю, — согласился Анненский. — А также в то, что вам глубоко безразлично, где находится ваш муж.

— Тогда какие ко мне претензии? Вы по-прежнему ассоциируете меня с этим человеком? Поверьте, я уже стала о нем забывать.

— Речь не идет о претензиях, Софья Андреевна. Что же касается ассоциаций... Об этом поговорим позднее. Я, кстати, вижу фотографию за стеклом серванта, — обнаружил полковник, — на ней запечатлены вы оба. Так что память остается, нет?

Взоры присутствующих обратились к чертову серванту. За стеклом действительно стояла фотография. Снимок прятался за богемским стеклом и горным хрусталем. Майор Вернер отвернулся, чтобы не увидели улыбку.

— Мне жаль, товарищ полковник, — я потупилась. — У вас не очень хорошее зрение. Да, на фото я и мой бывший муж. Но, во-первых, я тут хорошо получилась, а такое случалось редко — обделена фотогеничностью. Во-вторых, у моего супруга лицо Омара Шарифа — я вырезала его из журнала «Советский экран». Хотела приклеить лицо Олега Янковского или Александра Абдулова, но решила остановиться на бандите Джоне Колорадо из «Золота Маккены». В-третьих, это единственная в доме фотография, хоть как-то напоминающая о прошлом. Других нет, можете проверить. Увезла на дачу и сожгла.

— Понятно. — Полковнику очень хотелось улыбнуться, но должность не позволяла. — Тем не менее вы не развелись, у вас по-прежнему штамп в паспорте.

— А как развестись? — удивилась я. — Мужа нет, выяснить, согласен ли он на развод, затруднительно.

— На самом деле это просто, — подал голос Вернер. — Подаете заявление в загс — и вас разводят автоматически в связи с известными обстоятельствами.

— Но не спешите это делать, — сказал Анненский. Я напряглась. — Итак, продолжаем. Отец Уланова не перенес позора, скончался от сердечного приступа. У вашей свекрови Надежды Георгиевны случился инсульт, но организм справился, сейчас она в порядке, помогает вам с воспитанием Юлии Алексеевны. Ссориться вам не было резона, вы обе это поняли. Органы провели определенную работу и выяснили, где находится ваш муж. Это США, штат Флорида, южное побережье. Уланов находится на вилле в окрестностях городка Кармелло. Вилла плотно охраняется сотрудниками ФБР. Наши противники не знают, что мы это выяснили, иначе перевели бы Уланова в другое место. С ним работают, виллу посещают люди из ФБР и ЦРУ. Можете представить, какие консультации он дает. Это бездонный источник секретных материалов. Алексей Романович проживает в роскоши, но в свободе передвижений пока ограничен. Если

ОПЕРАЦИЯ НА ДВА СЕРДЦА

покидает пределы убежища, то с внушительным эскортом.

— Вы доверяете мне такие страшные государственные секреты, — заметила я, — словно я работаю в вашем ведомстве. Уверены, что мне стоит об этом знать? Мне действительно плевать, где находится этот человек. Не желаю о нем ничего знать.

— Не спешите, Софья Андреевна. Вашего мужа нужно нейтрализовать. Пока он выдает важные сведения, но кое-что приберегает, как всякий уважающий себя профессионал. Это касается... впрочем, не важно, об этом вам знать необязательно. Как только он почувствует, что перестает быть интересен спецслужбам, пустит в ход убийственный козырь, и это будет катастрофа...

Я невольно задумалась, что это может быть? Компромат на высших государственных деятелей СССР? Нет, не может быть, советские деятели кристально честны и преданы заветам вождя.

— Вы же не собираетесь, Софья Андреевна, всю жизнь носить ярлык жены предателя Родиной?

— Ярлык вдовы предателя Родиной звучит лучше? — задала я встречный вопрос.

— Вы не поняли, — снисходительно усмехнулся Анненский. — Нам не нужен мертвый Уланов, нам нужен исключительно живой Уланов. И, по возможности, здоровый. Его нужно вернуть на родину. Для этого есть серьезные причины, и разрешите их не называть. Ликвидировать вашего мужа мы могли бы

и сами, уж простите за цинизм. Зная, где он находится, где пролегают его маршруты... Поверьте, для снайпера в этом нет ничего невозможного. Сложности — лишь технические. Отбить его у своры вооруженных агентов, а затем вывезти из страны — задача архисложная. Вероятность успеха стремится к нулю. Нам нужен человек внутри — понимаете?

Я давно поняла. Но когда он заговорил открытым текстом, содрогнулась.

— Уланов хочет воссоединиться с семьей, — сделал нажим на втором слове Анненский. — Невзирая на все свои недостатки, он любит дочь и по-прежнему питает к вам чувства. То, что сбежал, не предупредив... обычная практика перебежчиков. Не мог он сказать: я тут сбегу, дорогая, ты только не волнуйся, позднее позвоню, и мы снова будем вместе. А вот теперь он требует от американских властей сделать все возможное, чтобы большевики выпустили вас за границу.

— А меня он не спрашивает? Хочу ли я к нему ехать после всего, что он натворил?

— Видимо, считает, что вы безнадежно его любите и помчитесь к нему хоть на край света. Принято решение предоставить вам такую возможность. Пока просто послушайте. Операция разработана, есть все шансы на успех, несмотря на авантюрный флер. Но кто не рискует, тот не пьет шампанского, верно? Понимаем, что вы человек со стороны, не имеете отношения к нашему ведомству. Но выбрать не из чего...

ОПЕРАЦИЯ НА ДВА СЕРДЦА

простите. Вы молодая, здоровая, в стране вас ничто не держит. Вы занимались плаванием, легкой атлетикой, в юности увлекались альпинизмом. Вы неглупая, в конце концов. План таков. Госдепартаменту США удалось продавить наш МИД, мы согласны выслать вас из страны. От этого нам никакого ущерба — ну, воссоединится семья предателя. Взамен они предлагают экстрадировать из США в СССР одного хулиганствующего диссидента. Это Эдуард Петровский, слышали, наверное? Был журналистом «Комсомольской правды», неплохо писал, потом попал под воздействие западной пропаганды и... в общем, слегка тронулся рассудком. Усердно гадил в период проведения Олимпиады. Полежал в психиатрической больнице, где ему самое место. Представители Хельсинкской группы подняли дикий ор — в общем, выдворили его из страны. Поначалу на руках носили, орали о блестящей победе над кровавым большевизмом. Человек, понятно, зазнался, возомнил себя... Теперь не знают, как от него избавиться. Пьет, употребляет наркотики, устраивает дебоши в ресторанах и на пляжах Калифорнии. Последнее его достижение — дебош на борту рейса Лос-Анджелес — Филадельфия, пришлось посадить самолет в Мемфисе и вызывать полицию. Выбор невелик: посадить в тюрьму либо вернуть Советам. Тоже ничего не теряют, как и мы с вами, Софья Андреевна... Уланову сообщат, что его прошение удовлетворено, Советы пошли на уступки. Семья воссоединится.

Хулиган Петровский сядет в тюрьму или продолжит лечение в специализированном учреждении. В стане врага вы будете работать на нас. Действовать по обстановке, исходя из обстоятельств. Уланов не должен ничего заподозрить. Вы изображаете счастливую жену. Сколько будете там находиться, пока неизвестно. У вас будет помощник — он, кстати, находится здесь, это Вернер Олег Михайлович. Первое время он будет держаться в тени. Вы полетите раздельно и пока про него забудьте. Идеальное решение: морская прогулка на яхте, сломанное навигационное оборудование, «коридор», который оформлен, — и парни с Кубы забирают вас всех. Вы догадываетесь, что мы плотно сотрудничаем с островитянами. А уж долететь из Гаваны до Москвы — элементарно.

Уши от этих слов сворачивались в трубочку. Я задышалась от возмущения. Обелить свое имя? А я его очерняла? Операция у них, видите ли, разработана! И центральная фигура этой авантюры — я! А меня ни о чем не хотят спросить? Я им что — Мата Хари?! Мое лицо, должно быть, отражало множество всего интересного — они таращились с живым любопытством.

— Во-первых, — выдавила я, — я не позволю рисковать жизнью и здоровьем своего ребенка. Как вы это представляете? Ее тоже будут таскать по волнам ваши кубинские беспризорники?

Вернер подавил улыбку, прикрыл губы кулаком. Полковник Анненский укоризненно покачал головой.